PLATONOV D.S.

THE FEBRUARY REVOLUTION IN 1917 AS A PHASE OF ROMANOV DYNASTY COLLAPSE: A VIEW PRESENTED IN THE RUSSIAN DIASPORA

Д.С. ПЛАТОНОВ

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. КАК ОДИН ИЗ ЭТАПОВ КРУШЕНИЯ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ. ВЗГЛЯД ИЗ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Annotation / Аннотация

In the article an opinion of the Russian Diaspora member to the February Revolution in 1917 is considering. In the sources of that time a special interests towards to the last Russian tsar was given. Affection for ideas of monarchy, owing authors of the considered period were obligatorily searching for an explanation of the tragic events in 1917 in other areas of society and policy in Russia.

В статье рассматриваются взгляды представителей Русского зарубежья на Февральскую революцию 1917 г. В исторических источниках того времени особое место уделяется личности последнего государя из рода Романовых. Приверженность монархическим идеям требовала от авторов того времени искать причины трагических событий февраля 1917 г. в других сферах общественно-политической жизни страны.

Keywords / Ключевые слова

Source, February Revolution in 1917, Nicolas II, monarchy, Romanov dynasty, constitutional democrats (cadet), Russian diaspora. Источник, Февральская революция 1917 г., Николай II, монархия, династия Романовых, конституционные демократы (кадеты), Русское зарубежье.

ПЛАТОНОВ Дмитрий Сергеевич – аспирант кафедры истории и теории исторической науки факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), г. Москва; 8-967-057-63-28; dr.dmser2012@yandex.ru

Многие представители Русского зарубежья, оторванные от своей родины и живущие на чужбине, стремились объяснить причины падения старой формы российской государственности, вследствие чего политическая деятельность Николая II получала различные оценки. Те, кто относился к личности царя положительно, пытались оправдать его действия, видя причины катастрофы в других сферах общественно-политической жизни страны. Для подтверждения вышесказанного обратимся к трудам, претендующим на научный характер. Выбор не случаен: эти работы

вышли из под пера людей, относящихся к высшему командному составу, то есть представляющих армейскую элиту. Их объединяло, прежде всего, приверженность монархической форме правления, идеи славянофильства и т.д. Несмотря на то, что многие из них находились в разных странах во время эмиграции, тем не менее у них сформировался единый взгляд, с небольшими вариациями, на историю правления последнего государя и на февральские события 1917 г., тем самым рождая своеобразный исторический дискурс.

В работе П.П. Петрова – генерал-лейтенанта Генштаба, участника Первой мировой и Гражданской войны на Дальнем Востоке – «Крушение императорской России…» правление Николая II и Февральская революция 1917 г. рассматриваются в тесной связи с предшествующими тремя веками, когда на престол в 1613 г. взошел Михаил Федорович Романов. По мнению автора, самодержавная монархия была не просто «формулой гражданского устройства», а выражала идею единения «Веры, Царя и Народа», которую народ должен был свято хранить на протяжении последующих веков. Но понимание этой ценности не было осознано и «история пошла не так». Раскол в Русской православной церкви в середине XVII в. поделил «народ на две половины». Прекращение созыва Земского Собора привело к тому, что управление страной полностью перешло «в руки демократии».

Следующее столетие открыло для Российской империи окно в Европу, из которого «к нам вторглись разврат и искушения в виде поверхностной культуры, “просветительной”, вольнодумной философии и т. д.» , и, как следствие этого, наша цивилизация стала «подражать Западу во всем». Политика Петра Великого привела к падению одного из устоев государственной жизни – Православной Церкви, – авторитет и влияние на государство которой, резко снизился. В начале XIX столетия происходит «отрыв верхних слоев народа от своей почвы» под воздействием Западной философии и идей Французской революции, что привело к «усилению безразличия к религии и преклонение перед западными формами государственной жизни, перед западными учениями о демократии» .

В общественно-политической жизни страны стали появляться либеральные и «социалистически-революционные» течения, высказывающиеся за изменение государственного строя России. Во второй половине XIX в. большую роль начали играть земства, как орган самоуправления, координирующий свою работу с правительственными учреждениями. Но кадетская партия «втянула в свою орбиту много сил из земств», тем самым разложив последние. Постепенно кадетская партия «начала вести борьбу с властью ради власти, не замечая, что она работает уже на своих товарищей слева, под одобрительный шум прессы» . События 1905 г. привели к тому, что Николай II вынужден был подписать Манифест 17 октября 1905 г., тем самым идя «навстречу общественности». Этот документ, по мысли автора, воскрешал прежнюю идею совместной деятельности Царя с народом, то есть прообраз Земского Собора. В связи с тем, что большинство в Государственной Думе оказались кадеты, был создан антагонизм, так как последние пошли в Думу «не для работы с властью, а для борьбы с нею и пропаганды против нее в стране» .

Таким образом, критика власти и политика кадетской партии стала причиной того, что к началу XX столетия сформировался «гражданский взгляд на Монархическую государственность» и личность Монарха потеряла сакральный смысл и превратилась в простого «гражданского правителя, вроде управляющего по контракту», которого можно при желании общественности легко сместить, следовательно, произошла потеря «ценности установления» и на Монарха перестали смотреть как на Помазанника Божия. В добавлении к этому следует отметить, что на протяжении всего XIX и начала XX вв. «равнодушие к религии, потеря сознании ценности своего мира, чувства ответственности за сохранение своих основ государственности… начинали постепенно отравлять основной, серединный слой народа и просачиваться в низы, где бунтарские элементы, вольница, воспринимали его по-своему, как поощрение к безнаказанным бесчинствам и преступлениям против власти» . С такими настроениями и взглядами российское общество оказалось на пороге Первой мировой войны.

Первый год войны начался полной поддержкой и единением власти с общественностью. Но уже в 1915 г., когда русская армия начала терпеть поражения на фронте и война приняла затяжной характер, появилась «нездоровая критика деятельности

правительственных учреждений и отдельных лиц», которая к ноябрю 1916 г. достигла значительных размеров. Ноябрьские выступления Думы показали, что «нужен был только какой-нибудь повод, случай, чтобы произошло открытое столкновение общественности с властью» .

В том же ключе интерпретирует исторические события В.И. Назанский, «полковник; в 1916 г. – помощник московского градоначальника. Член Объединения полевой конной артиллерии» . По мнению автора, земства, созданные при Александре II, должны были помочь верховной власти справиться с революционными элементами, но «под влиянием Петрункевичей» и «радикального меньшинства» стали «врагами этой власти». Поначалу работа земств давала положительный результат: «накоплялись уменье, навыки, деловое понимание местных нужд» , при этом классового антагонизма земство никогда не знало. Убийство Александра II «вразумляюще подействовало на общество», но уже через несколько лет нигилисты «снова начали шипеть».

Со временем старые работники земств сменялись новыми, более молодыми, «более образованными, но и более оторванными от народа» людьми. Увлеченные идеями либерализма, молодые кадры с земских трибун произносили речи, носившие весьма отдаленный характер от экономических нужд своей местности, и «развивавшие идеологические, социологические и политические тезисы». «Политиканство земских радикалов» привело к «торжеству именно антиземской – классовой революции, раздувшей классовую ненависть, уничтожившей общественную солидарность и разрушившей все, созданное земством» . Стоит отметить тот факт, что Назанский особо подчеркивает небывалый подъем в экономической жизни страны во время пребывания на престоле императора Николая II. Но «полуинтеллигентскую оппозицию» не интересовало «благоденствие населения»; она стремилась обрести «лишь способы, приемы и формы управления, без всякого отношения к реально достигаемым результатам» . Своими речами интеллигенция подрывала сакральный характер власти, так как считала русского самодержца только внешним носителем верховой власти, главой государства, а не «символом особого мировоззрения», близкого всем от «простолюдина» до помещика. Поэтому защищая и охраняя идею Царя, «тем самым защищается весь самобытный строй русской жизни», на котором и «основывается Русское Самодержавие» .

Затянувшаяся Русско-японская война и слабость верховной власти были использованы «мятежной общественностью» в своих целях: их выступления «поддержанные иудейством и либеральной прессой», изрядно «расшатывали… устои государства». Вынужденное создание законодательной (Виттевской) Государственной Думы стало «опасным залогом дальнейших революционных успехов», так как «враги государства» начали вести «постоянную осаду правительства». Таким образом, кафедра Государственной Думы явилась «всероссийским рупором революционных устремлений».

По мысли автора, созданный в 1915 г. Прогрессивный блок умело использовал обстоятельства Первой мировой войны в своих целях для того, чтобы «взбунтовать и направить против Верховной Власти не только уставший от войны Народ, но и тыловые части Армии» . Клевета на Николая II и Александру Федоровну, разносимая по всей стране, была страшна тем, что она велась не против персон Верховной власти, а против «высших нравственных начал», подрывая в корне духовные основания русского народа. К тому же как широкие круги общественности, так и радикальные элементы интеллигенции не хотели замечать «смертельной для страны опасности в том революционизме, который ими усиленно насаждался, на глазах их просачивался в народные массы, разлагая их духовно, опустошая народную душу, подготовляя крушение Государства… Гремели речи, всевозможные злостные выступления против правительства, самая разнузданная и так часто лживая и клеветническая критика власти. И все это делалось… “лояльной общественностью”, “конституционными монархистами”… из дворян…» .

Схожую картину предреволюционной ситуации в стране рисует А.И. Спиридович – «генерал…, в 1906–1916 гг. был начальником личной охраны государя императора» . Характеризуя общественно-политические настроения в столице перед Февральской революцией 1917 г. автор отмечает, что в Петербурге «все ждали чего-то важного и необычайного». «Заметно было недоброжелательство к Верховной Власти и не

скрывалось враждебно-пренебрежительное отношение к правительству» .

Не менее интересен взгляд на причины падения отечественной государственности М.К. Дитерихса – генерал-лейтенанта, последнего главнокомандующего Белой армией на Дальнем Востоке… По указу Колчака он курировал следствие по делу об убийстве Николая II и его семьи в Екатеринбурге . Автор полагает, что корни февральских событий 1917 г. лежат в «глубоких потрясениях духовно-социального характера», приведших к противоречию «между действительностью государственной жизни народа и его идейными стремлениями» . Первые цари из Дома Романовых «восприняли… идеологию о самодержавной власти», стараясь ее передать в неприкосновенности от отца к сыну. Но уже с начала XIX в. общественная мысль стала развиваться по двум основным направлениям: «западнофильскому» и «славянофильскому», вследствие чего началось увлечение работами зарубежных мыслителей в ущерб национальным. Поэтому уже к началу XX в. славянофильство «как национально-государственная мысль… заглохла». Все это привело к тому, что идеи западноевропейской мысли обрушились на «дух русского самодержавия» и на «сокрушение в России династии Романовых».

Таким образом, на основе вышеизложенного можно сделать вывод, что авторы выдвигали общие причины крушения Дома Романовых, виня русскую интеллигенцию за ее увлечение как либеральными, так и социалистическими идеями западных мыслителей, чуждых русскому народу по духу.

Обратимся непосредственно к описанию Февральской революции. По мнению П.П. Петрова, в 20-х числах февраля голода в столице Российской империи не намечалось, запасы продовольствия «были достаточными», но в связи «с расстройством транспорта» распространились слухи о голоде в ближайшее время, поэтому население Петрограда стремилось запастись хлебом «впрок», что и вызвало нехватку последнего. В последующие два дня (24 и 25 февраля) количество недовольных и бастующих

увеличилось, но эти уличные волнения еще сами по себе «не являлись серьезной государственной угрозой», но возглавленные Думой привели к тяжелым последствиям. Поворотный момент к худшему наступил 26 февраля, когда начались «волнения в войсках». Уличные волнения в столице можно было бы быстро ликвидировать, если бы у военной власти в распоряжении находилось бы «надежное ядро войск», а не «запасные батальоны, взбаламученные уличной пропагандой и речами в Государственной и Городской Думе» . Автор, на материале телеграмм генерала Хабалова, отправляемых в Ставку, где в то время находился император, показывает, что беспорядки в Петрограде казались Николаю II «не серьезными, искусственно созданными.., не опасными для государства».

На следующий день 27 февраля к бунту «рабочего и праздного люда» добавился солдатский бунт, поэтому генерал Хабалов остался без надежных войск для подавления мятежа. В связи с тем, что именно из Думы на протяжении нескольких лет исходила критика власти, то «все ждали от Думы продолжения ее политики, завершения борьбы», поэтому естественно, что в этот день Дума и стала «центром притяжения». Таким образом, «бунт превратился в революцию с возглавлением ее Государственной Думой, которая объявила себя новой властью... для установления нового порядка государственного управления» . В этот день рядом с Временным Комитетом образовался «самочинный, явочным порядком» установленный «новый центр» - Совет рабочих и солдатских депутатов, опирающийся на «расходившуюся взбаламученную солдатскую и рабочую стихию, готовую углублять революцию, а не входить в берега порядка и законности» , как то планировала Дума. Так возник центр «с пораженческими течениями и большевистским духом». По мнению Петрова, Дума согласилась с представителями революционной демократии, тем самым теряя вес и отдав фактически власть руководителям Совета, но в то же время и полностью порвать с ними, «когда они… имеют влияния на низы», была не в состоянии.

Практически такого же мнения на февральские события 1917 г. придерживается А.И. Спиридович. Начавшиеся 23 февраля «недоразумения» плавно перешли 24-го «в уличные беспорядки, развернувшиеся… вследствие слабости… правительства, в солдатско-рабочий бунт». 27 февраля возникают две организации и в этот день Государственная Дума «становится центром революции. К ней стекаются все восставшие воинские части и рабочие,… оттуда исходят все руководящие указания по

революции» .

Во многом солидарен с предшествующими двумя авторами М.К. Дитерихс. По его мнению, 24 и 25 февраля уличное выступление не представляло собой «серьезной государственной угрозы, но возглавленное… Думой… могло разрастись в опасные внутренние революционные беспорядки…» . 27 февраля члены Государственной Думы натолкнулись на «революционное творчество» представителей революционного народа. «Сознав и почувствовав свою слабость, думским руководителям для спасения “своей революции” и сохранения “своего первенства” пришлось идти на соглашательство с народными руководителями на известных компромиссных условиях. Этим самым они вступили на первую ступень лестницы непоследовательности и противоречия между словом и делом, проявлявшихся затем во всей последующей их деятельности» .

Быстрое осуществление Февральской революции и ее взаимосвязь с предшествующими событиями отечественной истории объясняется В.И. Назанским следующим образом: вначале 1900-х гг. земско-городские выступления под руководством меньшинства «земцев-радикалов» «заставили поверить в силу и значение, в фирму земства – самые широкие круги населения и обманули многих, далеких от революции людей – совершенно также, как в 1917 году армия и весь народ поверили в фирму Государственной Думы и были вторично обмануты, в большинстве теми же вождями “земской оппозиции” 1890–1900-х гг., перекрасившимися в думский “прогрессивный блок” и так преступно самонадеянно возглавившими февральский столичный бунт, превратив его в революцию…» .

Важно отметить и тот факт, что практически все авторы видят начало Февральской революции не 23 февраля, когда начались перебои с поставкой хлеба в Петроград и начались первые волнения, а 27 февраля, когда народные массы начала «возглавлять» Государственная Дума, распущенная Николаем II. Не последнюю роль в формировании

подобного рода взгляда сыграл лидер цензовой общественности – П.Н. Милюков, – писавший в своей работе, что «вмешательство Государственной Думы дало уличному и военному движению центр, дало ему знамя и лозунг, и тем превратило восстание в революцию, которая кончилась свержением старого режима и династии» . Однако организационная роль лидера партии кадетов спорна, так как уже в следующей цитате, посвященной событиям полудня 27 февраля, руководителей оказалось двое: Государственная Дума и социалистические партии. «С одной стороны, социалистические партии, подготовлявшие революционные кружки среди солдат, попытались взять на себя руководство движением. С другой стороны, решились стать во главе движения члены Государственной Думы» . Вечером 27 февраля «до успеха было еще далеко: позиция войск не только вне Петрограда и на фронте, но даже и внутри Петрограда и в ближайших его окрестностях далеко еще не выяснилась» . Из последней цитаты видно, что в первый день революции (если принимать во внимание 27 февраля 1917 г. ее началом), представители Государственной Думы вообще не знали масштаб революционного движения, следовательно, какие они организаторы революции? Но ответ на этот вопрос требует уже специального исследования.

Знало ли правительство и Николай II о надвигающихся событиях и можно ли было их избежать? В повествовании П.П. Петрова правительство «видело организованный штурм, но было действительно слабо», назначения министров на посты «были неудачными». В окружении Николая II не нашлось «ни одной фигуры», способной помочь императору «справиться с положением». В изложении А.И. Спиридовича находим несколько иное видение создавшейся ситуации. Автор полагает, что император не был полностью осведомлен о складывающейся ситуации в стране, так как «высшие представители… министерств не знали, а если знали, то не понимали, действительного положения вещей». «Государь не имел верного освещения современных общественных течений и происходящих в стране событий ни со стороны правительства, ни со стороны окружавших его должностных лиц. По неофициальным же сведениям, доходившим до Государя через близких ему лиц – народ его любил, войска были преданы, интриговал только Петербург…» .

Подводя итог, следует отметить, что большинство авторов выдвигало общий взгляд на трагические события Февраля 1917 г. полагая, что в крушении Дома Романовых во многом повинна интеллигенция с ее либеральными и социалистическими взглядами на

систему государственного управления. По образному выражению Назанского, либералы из земско-дворянских кругов своими речами и деятельностью «шли “на пролом”, рубили и поджигали корни того самого тысячелетнего дерева русской государственности, великолепные верхи которого они украшали своими “дворянскими гнездами”» . Поэтому уже к началу XX в. общество стало воспринимать Николая II не как Помазанника Божия, а как «гражданского правителя», тем самым в корне подрывая религиозное представление о Царской власти, вследствие чего накануне Февральской революции государь оказался «одиноким в своих взглядах на Царское служение». Однако «одиночество это определяется не тем, что политически все были против него, а тем, что против него было меньшинство, но меньшинство активное и сплоченное в увлечении западничеством, а большинство было пассивным и разобщенным…» , что и предопределило дальнейший ход развития исторических событий «“бескровной” революции с кровавым убийством Государя и всей Его Семьи» .

Список литературы

Петров П.П. Крушение императорской России: 20 лет спустя о Февральской революции. Харбин, 1938.

Незабытые могилы: Российское Зарубежье: некрологи 1917–1999.: В 6 т. Т. 5. Н-П / Рос. гос. б-ка; Сост. В.Н. Чуваков; Под ред. Е.В. Макаревич. М., 2004.

Назанский В.И. Крушение великой России и Дома Романовых. Т. 1. Париж, 1930.

Спиридович А.И. История большевизма в России от возникновения до захвата власти 1883–1903–1917: С прил. документов и портр. Париж: Франко-русс. печать, 1922.

Дитерихс М.К. Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале. М.: Дар, 2006.

Милюков П.Н. История второй русской революции. Т. 1. Вып. 1.: Противоречия революции. София, 1921.

You can read completely article in the russian historic-archival magazine “The Herald of an Archivist”. Read more about terms of subscription here .

Полностью материал публикуется в российском историко-архивоведческом журнале ВЕСТНИК АРХИВИСТА. Ознакомьтесь с условиями подписки здесь .